Виталий МАМАЙ

Автор: Жюри 1-го тура
25.01.2012 22:50

Призер (серебряная медаль) Международного литературного конкурса "8-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2019". Живет в Бат-Ям (Израиль).

Semper fidelis

Он был странным, нездешним, с бесшумной походкою зверолова,
иногда нелюдимым, но светлым, из тех, кто не бросит плохого слова,

нехорошего жеста, да что там - и взгляда злого,
он курил Lucky Strike, любому кофе предпочитал мате,
и только по выправке, легкой, почти исчезающей хромоте,
способности пить, не пьянея, когда все вокруг - до положенья риз...
Не скрывал, на прямой вопрос отвечал с улыбкой: "Oh, yes. Marines".
Он менял подруг. Так нередко бывает у отставных военных.
Обычный мужик, не донжуан, не монах, не евнух,
но привычка морпеха к режиму сведет с ума самых офигенных,
самых терпеливых заставит биться в истерике и слезах...
Он же не умел, не приучен был спускать такое на тормозах,
надевал бейсболку, быстро, уверенно собирал рюкзак,
исчезая из чьей-то жизни мгновенно, немедленно, на глазах,
и, еще катя на разбитой "Хонде" на запад по Иерусалиму,
брал билет онлайн, овернайт через Мадрид на Лиму...
Почему-то его всегда тянуло туда непреодолимо,
к этим каменным стенам, террасам, теням, тропинкам,
буколическим шапкам, ламам, индейцам, инкам...
Так иногда ощущаешь себя своим на чужом пиру.
Как-то, впрочем, он что-то сказал про деда по матери из Перу...
От Лимы он сутки трясся в автобусе миль восемьсот до Куско -
дорога все время вверх, серпантины, ни воздуха нет, ни спуска -
пытался уснуть, но рюкзак был тощим в итоге недолгих сборов,
на месте бродил по улочкам или сидел на площади у соборов,
ездил в горы на синем поезде, лез на самый верх храмов и пирамид,
и в груди у него растворялся какой-то спрятанный динамит...
Он возвращался, дарил дурацкие шапки и находил подругу,
курил Lucky Strike, пил мате, но снова все шло по кругу,
и Хосе Гутьеррес, известный как Инка в своем миру,
собирал рюкзак и опять улетал в Перу,
слонялся по рынкам, ел какие-то кесадильи,
слал открытки и прилетал обратно раньше, чем они доходили,
никогда не собирался остаться там,
но однажды не сел в Лиме на рейс LATAM...
Говорили, инфаркт, Lucky Strike, Хосе исчерпал лимит,
высокогорье, вот и взорвался гребаный динамит...
Я, конечно, и сам понимаю, что это ересь.
Просто где-то на перуанском облаке нынче сидит Гутьеррес,
курит, смотрит вокруг, удивляется - эй, ребята, куда все делись,
ладно, мол, справимся, semper же как-никак fidelis,
чуть поодаль по струнке, как под линейку заправленная кровать...
И по почте долго идет открытка с подписью:
"Парни, вы здесь обязаны побывать".

Бега, бега...

Бега, бега... Что может быть важней,

чем пыль, и пот, и топот ипподрома
в традиции и нравах urbis Romae,
где рев толпы слышней раскатов грома,
где жалкого погонщика коней
в кумиры цирка производит случай...
День догорает, томный и тягучий,
и улиц половодье в берега
лениво входит к сумеркам... Бега,
бега и на устах, и в головах,
в горячих, с пылу брошенных словах,
бега в пекарнях, прачечных и банях,
бега в трущобах и в надменных Байях,
в тавернах крик: "За синий! Мы за синий!",
рабы из галлий, фракий, абиссиний,
забыв на миг про общего врага,
горланят спьяну что-то про бега...
Бега... Матроны, те, что поглазастей,
ладонями глаза от солнца застя,
глядят на полуголого атлета,
матрон пьянит атлет, вино и лето,
и то, что колесничего судьба
найдет у поворотного столба....
Ах, как матроны падки на такое!
Век короток, а плоть... А плоть слаба.
И черный колесничий вхож в покои,
И к знатным девам, и к супругам верным...
Бега, бега клубятся по тавернам,
выплескиваясь в драки, крики, споры,
бега пройдут, но будут игры скоро,
бои и травли, новые герои,
не зря же Тит амфитеатр строит,
на то есть воля Рима и богов...
Так и живет от игр до бегов
страна, полупьяна, полунага...
И что есть жизнь? Вся эта жизнь - бега.

Молли

"У черта сильный дублинский акцент".
Дж. Джойс

Рыжая Молли худа и нескладна, глаза зеленей долин
древнего Эйре, грудь с кулачок, ладонью накроешь обе.
Рыжая Молли из самых податливых божьих глин.
Это могло стать профессией, но... Оказалось - хобби.
Рыжая Молли училась в школе с портретами римских пап -

длинные юбки, смешки в коридоре, овсянка и катехизис.
"Что ты читаешь, Молли? Йейтса? Это тебе не паб.
Спрячь и будь поскромнее, какие еще стихи здесь?"
Рыжая Молли из Тринити-Колледж знает наперечет
всех, кто умеет слагать сонеты на дублинской пьяной миле.
Рыжая Молли - ангел ночью. С рассветом, конечно, черт.
Будь она человеком, ее бы хоть иногда кормили.
Вечер на Графтон окутал пятничный пряный дух,
саксофонист таращится, дуя немыслимые бемоли.
Старая песня чаще всего лучше новых двух.
В городе ты знаешь только ее. И Молли.